

2. Веденєєв Д. «Війни пам'ятників». *Національна та історична пам'ять: словник ключових термінів*. Кер. авт. кол. А. М. Киридон. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. С. 56–59.
3. Волянюк О. Я. Суспільна пам'ять і політика: Мистецтво можливого. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. 172 с.
4. Грицак Я. Нові повороти в українській політиці пам'яті. *Zaxid.net*. URL: http://zaxid.net/news/showNews.do?novi_povoroti_v_ukrayinskiy_polititsi_pamyati&objectId=1117515
5. Волянюк О. Конфлікт пам'ятей. *Національна та історична пам'ять: словник ключових термінів*. Кер. авт. кол. А. М. Киридон. Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети», 2013. С. 200–203.
6. Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід. Ю. Шаповал, Л. Нагорна, О. Бойко та ін.; за заг. ред. Ю. Шаповала. Київ: ІПЕНД, 2013. 600 с.
7. Україна та проект «Русского мира»: аналітична доповідь. В. М. Яблонський, С. І. Здіорук, В. В. Токман [та ін.]. Київ: НІСД, 2014. URL: http://www.niss.gov.ua/public/File/2014_nauk_an_rozrobku/Rus_mir.pdf

КУЛЬТУРА ПАМ'ЯТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Смоленчук Александр

The actual Belarusian historical politics reduced to the reproduction of the Soviet ideological concepts of the past and the Soviet practice of the collective memory formation. However, the memory politics is also determined by historians. They represent scientific periodicals and research centers, which are not linked with the state structures. Their version of the history focuses on the trends of contemporary historiography. An important elements of the memory culture are the social transfer mechanisms of the memory and experience.

Keywords: *Republic of Belarus, the historical policy, the memory policy, the memory culture.*

Культура пам'яті являється одним из исследовательских приоритетов современной гуманитаристики. Представители разных гуманитарных наук активно изучают феномен памяти, проблему освоения или «проработки» прошлого и его превращения в элемент современной культуры [1; 2; 4; 8; 9; 16; 17]. Все это полностью соответствует традициям европейской цивилизации, которую вслед за французским историком Марком Блоком с полным правом можно назвать «цивилизацией памяти» [18, 34].

Беларусь не является исключением. Из тех понятий, которыми активно оперируют белорусские историки следует упомянуть «политику памяти» и «историческую политику». Под «политикой памяти» обычно понимают различные общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти. Историческая политика трактуется как история на службе политики, т. е. та версия прошлого, которая навязывается обществу государством в интересах идеологического укрепления правящего режима [11].

В данной статье историческая политика трактуется более широко. Все же в современном обществе она не может быть исключительно монологичной. Кроме официальной версии прошлого, подготовленной когортой историков, которые обслуживают определенный политический режим, существуют альтернативные. Также в политике памяти участвуют «независимые историки», профессиональные и социальные группы, которые предлагают иные версии истории. Также нельзя забывать о социальных механизмах передачи памяти и опыта.

В современной Беларуси историческая политика преимущественно сводится к воспроизводству советских идеологических концептов прошлого и советской практики формирования коллективной памяти как «единственно верного взгляда». Однако этому официальному курсу противостоит позиция историков, не связанных с государственными институтами, а также ряда научных и научно-популярных периодических изданий и исследовательских центров. Как правило, они невелики, но достаточно продуктивны.

Попытаюсь показать основные этапы развития исторической политики в Беларуси и наиболее значительные тенденции политики памяти.

ОТ СОВЕТСКОЙ ДО НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЕРСИИ ПРОШЛОГО

Политические перемены эпохи «Перестройки» второй половины 1980-х гг. с ее «гласностью» и стремлением покончить с рецидивами сталинизма вызвали в белорусском обществе всплеск интереса к своему прошлому. Широко осознано, что советский вариант истории, который создавался не в архивах и библиотеках, а в отделах идеологии ЦК КПСС, на самом деле не имеет отношения к прошлому Беларуси и ее народов. В 1986 г. известный белорусский специалист по историографии профессор Владимир Михнюк констатировал «кризис в исторической науке» [5]. На самом деле начинался сложный процесс ее возрождения.

Для многих белорусских историков «Перестройка» стала началом нового этапа в их научной и общественной деятельности. В 1988 г. кадровая «революция» произошла в Институте истории Академии наук БССР. Директором стал Михась Кастюк, а его заместителем Михась Бич. Последний возглавил авторский коллектив по разработке «Национально-

государственной концепции» истории Беларуси. Именно она в начале 1990-х гг. определяла историческую политику в стране.

Значительное место в исследованиях заняла политическая история XX в. В 1988 г. впервые в БССР предметом научного и общественного обсуждения стала судьба Белорусской Народной республики (1918). В этом же году сотрудник Института истории Зенон Пазняк в урочище Куропаты под Минском обнаружил место массового захоронения жертв коммунистических репрессий второй половины 1930-х гг. Это был первый найденный под Минском «расстрельный полигон». Правда о Куропатах, где по разным оценкам было расстреляно от 7 до 120 тысяч человек, всколыхнула Беларусь. Для многих историков это событие стало дополнительным стимулом для разрыва с советскостью. Но не для всех. Нашлись и те, кто попытался оспорить результаты раскопок, доказывая, что в Куропатах лежат жертвы немецкой оккупационной политики.

Важной составной новой исторической политики стала публицистика. В 1990 г. была издана книга Кастуся Тарасова «Память о легендах...» [13], с которой начинается своего рода «белорусская национализация» прошлого. Автор предложил «белорусский взгляд» на многие исторические личности (князь Витовт, Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич) и важные события в истории Беларуси, Литвы и Польши. С этой книги связано рождение «белорусского мифа» о Грюнвальдской битве.

Общественная потребность в исторической литературе удовлетворялась как изданием или переизданием запрещенных ранее книг и рукописей (В частности, были изданы: Ермаловіч М. І. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1989; Ластоўскі В. Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск, 1992; Цьвікевіч А. «Западно-русизм». Нарысы з гісторыі грамазкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. Мінск, 1993; Доўнар-Запольскі М. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994 и др.), так и публикацией новых текстов. Большой популярностью пользовалась брошюра «100 пытанняў і адказаў па гісторыі Беларусі», которая весной 1993 г. печаталась на страницах популярных газет. Научность здесь сочеталась с национальным романтизмом и модернизацией истории для формирования национального сознания. Также следует упомянуть издание книг Миколаы Ермаловича, посвященных истории Великого Княжества Литовского как «белорусского государства». Автор книги «Па слядах аднаго міфа» получил Государственную премию как «первооткрыватель белорусской истории».

Именно ВКЛ стало главным объектом научного и общественного интереса к прошлому. Тезис советской историографии о том, что только коммунистическая партия дала белорусам государственность в форме БССР, опровергался трактовкой ВКЛ как белорусского или белорусско-литовского государства.

В условиях растерянности и бездействия руководства БССР все большую популярность среди демократической части общества и

интеллигенции приобретала белорусская историческая символика – бело-красно-белый флаг и герб «Пагоня». Именно эти символы стали государственными, когда в июле 1991 г. была провозглашена независимая Республика Беларусь.

В начале 1990-х гг. эта же часть белорусского общества освоила новый календарь памятных дат, среди которых выделялись День Воли (25 марта), связанный с провозглашением независимости Белорусской Народной республики в 1918 г., и День военной славы (8 сентября). В этот день в 1514 г. армия Великого Княжества Литовского разгромила под Оршей войско Масковского царства. День независимости отмечался 27 июля. Именно в этот день в 1990 г. Верховным Советом БССР была принята Декларация о независимости.

Таким образом, в начале 1990-х гг. белорусская историография проделала большую работу по преодолению наследия советской эпохи. История Беларуси окончательно утратила навязанную в прежние времена маргинальность и стала самостоятельным объектом исследований.

Историки поднимали также проблему белорусской ответственности за историческую судьбу, т. е. началось осмысление Беларуси как субъекта исторического процесса. Они стремились к целостной картине прошлого, подчеркивали исторический континуитет в развитии белорусской государственности и формировании нации. При этом многие белорусские неудачи и успехи казались чем-то исключительным в истории.

Стремление демонтировать советскую мифологию в большой степени определяло ключевые темы для нового исторического нарратива. Ими стали истоки белорусской государственности, утверждение ВКЛ как белорусского или белорусско-литовского государства, пересмотр истории взаимоотношений с Россией с упором на военную проблематику, антироссийские восстания и антисоветское сопротивление в Беларуси. Белорусские историки стремились также доказать принадлежность своей страны к европейской цивилизации. Новая трактовка истории Беларуси способствовала развитию и укреплению национальной идентичности белорусов.

При этом историкам никто не предписывал как освещать прошлое. Политика памяти формировалась на основе плюрализма мнений и концепций.

ВПЕРЕД В... СССР

Ситуация в культуре памяти кардинально изменилась после президентских выборов 1994 г. К власти пришли политические силы, которые мечтали о возрождении советской империи. Администрация президента Александра Лукашенко взяла историческую науку и образование под особый контроль. Немецкий историк Райнер Линднер имел полное право

охарактеризовать ситуацию в белорусской исторической науке как «исключительный случай» в постсоветском регионе. По его мнению, с середины 1995 г. в историографии фактически началась кампания «денационализации белорусского прошлого» [3, 199]. По мнению известного белорусского историка Геннадия Сагановича, государство развязало «войну против белорусской истории» [10].

Первым большим успехом публично провозглашенной политики ресоветизации стала замена государственной символики летом 1995 г. Фактически, по инициативе президента Республика Беларусь вернула косметически поправленные символы БССР. Одновременно в общественную жизнь стал возвращаться старый советский календарь памятных дат. Так, Беларусь стала единственной страной, где отмечается день большевистского государственного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 г. как «День Октябрьской революции». Праздником остаётся 17 сентября (1939) как «День воссоединения Беларуси», которое стало результатом преступного «пакта Молотова-Рибентропа», развязавшего Вторую мировую войну. «День независимости» был перенесен на 3 июля. В этот день в 1944 г. советские войска вошли в разрушенный Минск.

Следующим шагом стала замена учебников по истории. Государственная комиссия по учебникам, игнорируя исторические факты, стремилась привести исторический нарратив в соответствие с политическим курсом президента и его команды на создание союзного государства с Россией.

Главным событием всей белорусской истории стала Вторая мировая война, которую в соответствии с нормами советской идеологии называют «Великой Отечественной войной». Официальный дискурс этой войны включает концепты самопожертвования и героизма белорусов как части советского народа, массового партизанского движения, предательства националистов-коллаборантов и победы как награды за подвиг. Делается всё, чтобы скрыть трагедию Беларуси, обусловленную столкновением на ее территории двух тоталитарных режимов – сталинского и гитлеровского.

В авангарде новой (старой) исторической политики оказалась группа историков старшего поколения. Они создали Республиканское объединение «Исторические знания» во главе с профессором Адамом Залеским, которое превратилось в главного эксперта и одновременно цензора по вопросам исторического образования.

Именно их усилиями была изменена концепция издания шеститомной Энциклопедии истории Беларуси, первые два тома которой полностью соответствовали уже упомянутой «Национально-государственной концепции», подготовленной сотрудниками Института истории Национальной Академии наук (М. Бич). Редакторы и авторы этого издания обвинялись в «русофобии» [12]. Одновременно усилились нападки

на сотрудников Института истории, которых публично называли «агентами западных спецслужб» и врагами союзного государства Беларуси и России [7, 164]. В 1999 г. от руководства Институтом истории НАН был отстранен Михась Кастюк.

Следует также отметить попытку власти создать своего рода «исторический канон». Его автором должен был стать преподаватель Могилевского университета и бывший учитель президента Яков Трещенок. За короткое время он подготовил и издал несколько учебников по истории Беларуси (Напр., История Беларуси. В двух частях. Часть 2. Под редакцией Я. И. Трещенка. Могилев: МГУ, 2005; Трашчанок Я., Вараб'ёў А., Валжанкоў В. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да кастрычніка 1917 г. Вучэбны дапаможнік для 10 класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання. Пад рэд. Я. І. Трашчанка. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2008). В этих изданиях очевидна попытка модернизовать советскую версию истории с помощью концепции обновленного «западноруссизма» и православного прозелитизма. Именно православие оценивается как «решающий фактором этнического сплочения восточных славян, консолидации древнерусской народности» [15, 67]. Главным врагом белорусской истории были объявлены «белорусские националисты», компанию которым составили польские помещики и католическое духовенство.

Следует признать, что эта попытка с треском провалилась. И все же есть смысл порассуждать о «феномене Трещенка», главной чертой которого является согласие историка идеологично обслуживать правящий политический режим.

Следует признать, что многие историки своим участием или же безучастием поспособствовали идеологическому возвращению СССР. Оказалось, что страх иметь собственную позицию, отсутствие желания противостоять тем, кто открыто манипулировал сознанием населения, а также желание быть манипулированным довольно широко распространились среди представителей гуманитарных и социальных наук.

Однако довольно сильным было также сопротивление ресоветизации. Значительная часть историков и гуманитариев, которые после распада СССР почувствовали вкус интеллектуальной свободы и связывали будущее с развитием демократии и процессами европейской интеграции, не хотели мириться с переменами. На страницах негосударственных периодических научных изданий, в первую очередь «Беларускага гістарычнага агляду» (редактор Геннадий Саганович) и «Гістарычнага альманаху» (редактор Александр Кравцевич) публиковались тексты, авторы которых протестовали против превращения науки в идеологического «лакея» политической власти.

В 1999 г. было организовано Белорусское историческое общество, которое организовало ряд международных научных конференций по

проблемам историографии, периодизации истории Беларуси, научной терминологии и др. Многие преподаватели в школах и университетах страны бойкотировали новые (старые) учебники истории.

«Несогласных» увольняли. Так, в списке уволенных оказались такие известные историки как Геннадий Саганович, Андрей Киштымков, Евгений Онищенко, Язэп Янушкевич, Андрей Чернякевич, Инна Соркина и др. На многих распространился неофициальный запрет на работу в государственных учреждениях, к которому прислушиваются также руководители частных высших школ.

Важную роль в ресоветизации исторической науки сыграла Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Обычным явлением стал отказ в утверждении результатов успешной обороны диссертаций по истории. Соответственно аспиранты вместе с научными руководителями стремились сформулировать такую тему диссертационного исследования, которая не вызвала бы сомнения у идеологических цензоров. Актуальность проблематики и ее соответствие современным тенденциям мировой науки уже не являлись существенным фактором. Позиция руководства ВАК фактически выводила белорусскую историографию из контекста мировой исторической науки.

Ситуацию еще более усугубляла ограниченность контактов с зарубежными коллегами. Причем это относится не только к историкам из Евросоюза, но и государств постсоветского региона. Так, в 2011 г. на 75-летию Института истории Украины присутствовал только один историк из Беларуси, который к тому же представлял белорусский университет в Вильнюсе.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

По оценкам многих зарубежных экспертов в последние годы политический режим в Беларуси стал более либеральным. Однако этот не «либерализм» никак не сказывается на тенденциях в политике памяти. По-прежнему, совершенно отсутствует свобода исторического исследования. Нормой жизни в науке остается идеологическое давление, которое проявляется в административных наказаниях, угрозах увольнения и увольнениях. Принятие канона идеологии белорусского государства определила границы дозволенного историку (См., напр., Лукашенко А. Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Доклад Президента Республики Беларусь на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов 27 марта 2003 г. *О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Материалы постоянно действующего семинара республиканских и местных государственных органов*. Мн., 2003; Основы идеологии белорусского государства: История и теория. Учебное пособие для студентов учреждений,

обеспечивающих получение высшего образования; 2-ое изд. С. Н. Князев и др. Мн., 2006; Яскевич Я. С. Основы идеологии белорусского государства. Мн., 2004).

Идеологические структуры при центральных и местных органах власти остаются главными экспертами «научности» исторического исследования. Большую помощь чиновникам оказывает администрация высших учебных заведений. В практику университетов и институтов вошли запреты на участие в международных конференциях, идеологические «наставления» молодым исследователям, запугивания со стороны КГБ и т. д. Продолжаются увольнения «несогласных» или же по определению самого президента «нечестных» историков.

Правда, возможно, под влиянием российской агрессии против Украины в исторической политике все же стали ощущаться определенные перемены. В частности, это касается тематики исследований. Так, в 2016 г. в Минске впервые за много лет была проведена крупная международная научная конференция по проблемам истории Великого Княжества Литовского. Ее организатором выступил Институт истории НАН. Также следует отметить удаление наиболее одиозных «цензоров от истории» из состава Экспертной комиссии ВАК по историческим наукам. Однако эти первые «ласточки» совсем не означают наступления «белорусской весны».

Сообщество белорусских историков по-прежнему поделено на сторонников национальной концепции, которые стремятся поставить ее на фундамент современной методологии исторической науки, и представителей т. н. «директивной историографии». Безусловно, первая группа более подготовлена профессионально, и только она в состоянии производить научную продукцию высокого уровня.

Так, в современной политике памяти важную роль играет он-лайн проект «Белорусский архив устной истории» (И. Каштелян), деятельность Центра белорусских исследований при Варшавском университете (А. Кравцевич), издание «Беларускага гістарычнага агляда» (Г. Сагановіч), журнала «ARCHE» (В. Булгаков), годовика «Homo Historicus» (А. Смоленчук) и др.

Тематика научных исследований представителей этой альтернативной исторической памяти включает наиболее актуальные вопросы истории белорусской государственности, в том числе Белорусской Народной республики; военной и политической истории, где выделяется проблематика Второй мировой войны на территории Беларуси; национальных отношений и истории белорусской культуры. Однако возможности трансляции результатов исследований и их влияния на общество достаточно ограничены.

Диалог между вышеуказанными «партиями» невозможен, поскольку раздел в сообществе историков определяется не научной, а

идеологической природой и этическими принципами. Корпоративная солидарность в среде ученых должна основываться на высоком уровне исследований, на понимании социального значения истории и знании тех процессов, которые происходят в мировой историографии, а также на непринятии конъюнктуры в любой ее форме. В конце концов для историка отстаивать независимость научной мысли значит отстаивать собственное достоинство.

Ситуация в белорусской историографии красноречиво свидетельствует, что для профессионального успеха историку мало овладеть современными методами исследований. Необходим своего рода «кодекс чести историка», главным постулатом которого является безусловный приоритет науки. Историки должны научиться принимать друг друга такими, какие они есть, уважая чужое мнение. Но это уважение не должно распространяться на тех, кто собственное предназначение видит только в идеологическом обслуживании власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вельдер Х. История. Память и современность прошлого. *Память о войне: 60 лет спустя. Россия. Германия. Европа*. Москва, 2005.
2. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти. *Ab Imperio*. 2004, № 3.
3. Лінднер Р. Нацыянальныя і «прыдворныя» гісторыкі лукашэнкаўскай Беларусі. *Гістарычны альманах*. 2001, № 4, с. 199.
4. Миллер А., Липман М. Историческая политика в XXI веке. Москва, 2012 и др.
5. Михнюк В. По дороге и на обочине. *Коммунист Белоруссии*. 1988, № 5, С. 66–71.
6. История Беларуси. В двух частях. Часть 2. Под редакцией Я. И. Трещенка. Могилев, 2005.
7. Новік Я. Пісаць і выкладаць праўдзівую гісторыю, а не ствараць новыя міфы. *Беларуская думка*. 2000, № 10, С. 164
8. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас*. 2005, № 40–41;
9. Рикёр П. Память, история, забвения. Москва, 2004.
10. Сагановіч Г. Вайна з беларускай гісторыяй. URL: <http://jivebelarus.net/society/war-against-belarusian-history.html>.
11. Саганович Г. Историческая политика в постсоветской Беларуси. *Русский вопрос*. 2009, № 2.
12. Петрыкаў П. Туман русафобіі ахутаў Беларускую энцыклапедыю. *Беларуская думка*. 1996, № 3.
13. Тарасов К. И. Память о легендах белорусской старины: голоса и лица. Минск, 1990.
14. Трашчанок Я., Вараб'ёў А., Валжанкоў В. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да кастрычніка 1917 г. Вучэбны дапаможнік для

- 10 класа агульнаадукацыйных устаноў з беларускай мовай навучання. Пад рэд. Я. І. Трашчанка. Мінск, 2008.
15. Трошенко Я. И. *История Беларуси*. Часть 1. *Досоветский период*. Учебное пособие. Могилев, 2003, 67 с.
16. Le Goff Jacques. *Historia i pamięć*. Warszawa, 2007.
17. Pomian K. *Historia – dziś*. *Historia – dziś*. Teoretyczne problemy wiedzy o przeszłości. Red. Ewa Domańska, Rafał Stobiecki, Tomasz Wiślicz. Kraków, 2014.
18. Bloch Marc. *Pochwała historii czyli o zawodzie historyka*. Kęty, 2009. 34 s.

ІСТОРИЧНА ПАМ'ЯТЬ ЯК ЧИННИК КОНСОЛІДАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

Ганаба Світлана

Ukraine has been going through a complicated period of state-building, full of controversies and threats. It is taking place against the background of civilization developments and is accompanied by exacerbation of the country's domestic challenges. These issues have deep historical roots. A century of the lack of statehood was aggravated by a range of internal contradictions, mass reprisals, genocides, and holodomors (man-made famine) against the Ukrainian nation. They resulted not only in multiple human toll, but also in ruining national identity, destruction of fundamental features of the Ukrainian ethnos – its language, culture, historical memory – i.e. the things which are able to integrate the nation into a single community. The issues, which the contemporary Ukrainian society is faced up with, are the problems of its entire history. That is why their leveling causes them to spring up time and again in various hypostases before the society, bringing about new threats and challenging its further development. Reconstruction of the past is possible and expedient as long as it caters for the interests of today and tomorrow. Legacy of the historical past has to be directed at overcoming spiritual devastation. It is intended to prevent any cultural diversity from turning into cultural splits; to nurture well-balanced, tolerant, well-disposed attitude to individual and group differences.

Tolerance as a new modus of interaction with Another world, different from mine, is recognized to be a core provision targeted at the world of multitude. Cultural interaction of different types of cultures consists in that by assimilating any values from another culture, one's own culture transforms «alien» into «native» without losing its original specific content. «Disappearance» of Another is supposed to become dramatic for one's own customary cultural reality as it deprives culture of the perspective for further evolution. Within such conception history appears as a prerequisite for the